

Леонид МЛЕЧИН
**ГЛАВНЫЙ РАЗВЕДЧИК
МОГ СТАТЬ ПРЕЗИДЕНТОМ**

Карьера Евгения Примакова

На подмостках истории

Леонид Млечин

**Главный разведчик мог
стать президентом. Карьера
Евгения Примакова**

«Центрполиграф»

2020

УДК 929
ББК 63.3(2)6

Млечин Л. М.

Главный разведчик мог стать президентом. Карьера Евгения
Примакова / Л. М. Млечин — «Центрполиграф», 2020 — (На
подмостках истории)

ISBN 978-5-6043546-7-4

Академик Евгений Примаков занимает особое место в нашей истории. Он в труднейшие годы руководил внешней разведкой, которую спас от развала, и дипломатией страны, которую развернул в новом направлении. Его огромное достижение состоит в том, что, возглавив правительство в момент, когда Россия оказалась в отчаянной ситуации, он сумел успокоить страну и вернуть людям утраченное чувство надежности. За долгие годы политической карьеры Примаков ничем себя не опорочил. Многие были уверены, что из него получился бы хороший президент. Почему же он не стал руководителем Российского государства?.. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 929
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-6043546-7-4

© Млечин Л. М., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Новое задание для академика	6
«Просим ваших указаний»	9
Он сменил генерала Шебаршина	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

**Леонид Млечин Главный
разведчик мог стать президентом.
Карьера Евгения Примакова**

© Млечин Л., 2020

© АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2020

Новое задание для академика

Только один раз за многие годы знакомства я видел Евгения Максимовича Примакова по-настоящему расстроенным, если не сказать – злым. Это было в феврале 1994 года – после ареста Олдрича Эймса, который служил в Центральном разведывательном управлении США. Считается, что он был важнейшим источником информации для советской (а потом и российской) разведки и назвал имена десяти американских агентов в Москве.

Эймс проработал в оперативном директорате ЦРУ тридцать один год. Он был разочарован своей службой, остро нуждался в деньгах, хотел изменить свою жизнь.

В апреле 1985 года Эймс просто написал записку, адресованную резиденту советской внешней разведки в Вашингтоне генералу Станиславу Андреевичу Андросову, с предложением назвать имена трех агентов ЦРУ в Советском Союзе в обмен на пятьдесят тысяч долларов. И приложил ксерокопию страницы из внутреннего телефонного справочника ЦРУ, подчеркнув свою фамилию. Эймс приехал в советское посольство в Вашингтоне и отдал письмо дежурному. Он знал правила и своему начальству объяснил, что навестил сотрудника посольства, которого они пытались завербовать.

Через неделю Олдрич Эймс получил пятьдесят тысяч долларов. Он был потрясен: как легко, оказывается, можно раздобыть большие деньги! Эймс назвал всех завербованных американцами агентов. Кроме того, передал советским разведчикам большое количество секретных документов, которые выносил из здания ЦРУ в обычной сумке. Никто из охранников не проявил интереса к ее содержимому.

За вербовку Эймса полковник Виктор Иванович Черкашин, заместитель вашингтонского резидента, отвечавший за линию внешней контрразведки (то есть за проникновение в спецслужбы главного противника), получил высший в советском государстве орден Ленина. Редко кто из разведчиков удостоивался такой почести. Черкашин сам разговаривал с Эймсом и принял окончательное решение вручить ему деньги и поверить в то, что он сказал. Полковник Черкашин написал потом целую книгу о своей работе.

Олдрич Эймс сыграл важную роль в карьере председателя КГБ Владимира Александровича Крючкова, который смог порадовать нового хозяина страны Михаила Сергеевича Горбачев фантастическими успехами своей службы. Но и для наследников Крючкова на посту начальника разведки Эймс был важнейшим агентом. Считается, что ему заплатили в общей сложности больше двух миллионов долларов. Никто из агентов еще не получал таких денег.

О его аресте стало известно 21 февраля 1994 года.

Два руководителя российского направления ЦРУ после ареста Эймса примчались в Москву. Это был период хороших отношений с Соединенными Штатами, американцы были обижены: мы вам помогаем, а вы против нас шпионите! Они требовали от российских коллег безоговорочно признать свою вину, представить материалы, которые Эймс передал Москве, и по доброй воле самим отозвать официального представителя Службы внешней разведки в Вашингтоне, легального резидента генерала Александра Иосифовича Лысенко.

Говорят, что даже генерал Лысенко не знал подлинного имени своего важнейшего агента по кличке «Людмила». Но когда он услышал об аресте сотрудника ЦРУ Олдрича Эймса, то сразу догадался, что это и есть «Людмила», которой так дорожили в центре.

Руководители американской разведки нагрянули в Москву сюрпризом, без приглашения и в отсутствие директора Службы внешней разведки России Евгения Максимовича Примакова. Беседовать с ними пришлось его первому заместителю Вячеславу Ивановичу Трубникову. Насколько известно, разговор между разведчиками двух стран был тяжелым и неприятным.

Примаков в тот момент находился за границей. Впоследствии я имел возможность поговорить с человеком, который в те дни был рядом с Евгением Максимовичем:

– Что переживал Примаков, когда арестовали Эймса?

– Для него это был шок невероятный. Вся его переговорная деятельность была сокращена. Он не отходил от телефона, шел непрерывный обмен шифротелеграммами. Для него это была такая трагедия, такой кошмар, просто ужас. Он был просто убит.

После ареста Олдрича Эймса директор СВР Примаков сам захотел встретиться с журналистами и даже привел с собой своего первого заместителя Трубникова. Правда, называть их имена и ссылаться на них в тот момент было нельзя. Встреча проходила в Колпачном переулке, где тогда находилось пресс-бюро Службы внешней разведки. Помню, что Примаков был зол, строг и непримирим.

Они оба – и Примаков, и Трубников – отказались тогда признать, что Эймс, обвиненный в работе на Москву, платный агент Службы внешней разведки. Они говорили, что даже косвенное признание в сотрудничестве с Эймсом окажется для него роковым на предстоящем суде в Соединенных Штатах.

Но к тому времени начальник генерального штаба вооруженных сил России генерал-полковник Михаил Петрович Колесников уже заявил, что Эймс не работал на военную разведку. Таким образом, никто не сомневался, что лавры вербовки такого агента принадлежат Службе внешней разведки.

Да и Олдрич Эймс в любом случае был обречен – Федеральное бюро расследований, американская контрразведка, собрало все доказательства его работы на российскую разведку и получило его собственное откровенное признание.

Примаков был явно огорчен тем, что арест Эймса вызвал такой шум и способствовал ухудшению российско-американских отношений. Они с Трубниковым убеждали журналистов, что и само ЦРУ, которому нанесена «тяжелая травма», не заинтересовано в этом скандале. Это арестовавшее Эймса Федеральное бюро расследований, а также конгресс и политические противники президента США Билла Клинтона используют этот скандал в собственных интересах.

Примаков говорил тогда, что на закрытых переговорах с руководителями ЦРУ и ФБР он вовсе не обещал прекратить разведывательную деятельность на территории Соединенных Штатов. Руководители российской разведки жаловались, что американцы сами расширили масштабы агентурной разведки на территории России:

– Мы как бы с пониманием относимся к естественному стремлению Соединенных Штатов знать, что происходит в России. Но в таком случае и в Вашингтоне должны проявить ответное понимание.

В Вашингтоне понимания не проявили и выслали из страны руководителя резидентуры российской разведки Александра Лысенко, который до этого был резидентом в Индии. На освободившееся место Примаков потом отправил Сергея Николаевича Лебедева, который при Путине станет начальником разведки. В ответ советника американского посольства Джеймса Морриса, возглавлявшего резидентуру ЦРУ, попросили в семидневный срок покинуть Москву.

Как сказал тогда Примаков: «Мы не пропустим ни одного удара».

Через четыре с лишним года после ареста Эймса Примаков рассказывал мне:

«Когда я пришел в разведку, многие говорили: давайте заключать двусторонние соглашения о ликвидации разведывательной деятельности! Допустим, мы подписываем такое соглашение с Великобританией. И что? Если бы такое соглашение можно было подписать в универсальном плане – со всеми, на это можно было бы пойти. А так что произойдет? Мы заключим соглашение с Великобританией, а она будет получать от других все материалы о России – это же ни в какие ворота не лезет. Мы окажемся в худшем положении.

Против нас ведут активную разведывательную деятельность, и растет число резидентур, которые нами занимаются. Работают против России с территории стран СНГ и Балтии, туда выводят на связь свои источники. Все это есть, так что преждевременно говорить о прекращении разведки. А потом, это не так уж плохо, потому что разведка часто предотвращает события, которые могли бы подорвать стабильность».

Провал Олдрича Эймса не был последним в цепи неудач российской разведки и на американском, и на европейском направлениях. Провалы агентурной сети были следствием не усиленной, авральной работы местных охотников за шпионами, а чаще всего результатом бегства российских разведчиков.

Под руководством Трубникова, как положено в таких случаях, личное и рабочее дело Эймса разбиралось с того самого дня, как он начал работать на Москву, анализировался каждый шаг его и наших оперативных работников, вспоминали каждое слово. Но Примаков не пошел по пути раздачи выговоров. Это ведь больше для показухи делается: виновные наказаны, и если на верху вопрос будет задан, то смело можно отвечать – такой-то уволен, такой-то понижен в должности, уроки извлечены.

Результаты служебного расследования по делу Эймса, проведенного Службой внешней разведки, разумеется, не обнародовались. Судя по словам некоторых осведомленных лиц, комиссия пришла к выводу, что в провале больше всего виноват сам Олдрич Эймс. Он вел себя слишком неосторожно, нарушил правила конспирации, не прислушался к советам своих кураторов из Москвы... Но косвенно вина ложится и на бывшее руководство разведки и КГБ.

Главная проблема Эймса состояла в том, что, как только он назвал имена агентов американской разведки в Москве, их всех расстреляли. Поэтому после ареста его называли в Америке «серийным убийцей». Разве удивительно, что американцы столько лет искали того, кто выдал всех агентов?

– Если у вас десять агентов поймали, вы будете очень долго изучать возможных предателей, искать, у кого есть что-то подозрительное, пока не найдете, – говорили мне профессионалы. – Вот Эймса и поймали.

В провале Эймса разведчики упрекают своего бывшего руководителя Владимира Александровича Крючкова. Ведь это он, демонстрируя успехи своей службы, положил на стол высшему руководству список американских агентов, переданный Эймсом. И он допустил, чтобы их всех разом арестовали и расстреляли. Хотя это был самый ясный сигнал американцам: ищите у себя предателя...

Но некоторые ветераны разведки подозревают, что и Эймс сам стал жертвой предательства. Они не верят рассказам американских контрразведчиков о том, что они вычислили Эймса, потому что он явно жил не на одну зарплату. Ветераны уверены, что в Ясенево работает предатель, который продал Эймса, а затем и некоторых других российских агентов. Конечно же, к материалам об агентах такого уровня допущено только несколько человек из высшего руководства разведки. Имя каждого, кто видел эти материалы, известно: нельзя взять папку или даже отдельную шифровку, не расписавшись. Неужели кто-то из них?.. Впрочем, есть еще технические работники – сотрудники архивов, секретари и курьеры, которые видят эти материалы, но за них не расписываются.

Страх перед кротом, иностранным агентом, который работает в самом сердце разведки, живет в каждой спецслужбе. Время от времени подозрения оказываются правдой. Американцы убедились в этом, арестовав ветерана ЦРУ Олдрича Эймса...

«Просим ваших указаний»

Примаков занял место начальника разведки достаточно неожиданно. Хотя говорили, что Евгений Максимович всю жизнь носит погоны под штатским костюмом – в этом уверены не только за рубежом, но и в нашей стране. Считается, что Примаков начал карьеру разведчика на Ближнем Востоке под крышей корреспондента «Правды».

Служба внешней разведки неустанно опровергает эти слухи, хотя и без особого успеха – просто потому, что публика не верит официальным опровержениям. Когда Примаков стал главой правительства, английские журналисты, не поленившись, пролистали старые подшивки «Правды» за те годы, что он работал корреспондентом на Ближнем Востоке, чтобы выяснить, как часто он печатался. Они увидели, что его статьи появлялись отнюдь не каждый день. Ага, решили англичане, тогда все ясно: он разведчик, поэтому у него просто не было времени писать в газету...

Дотошные англичане промахнулись, потому что плохо знают нашу жизнь. Это в западных газетах корреспондент из-за рубежа пишет каждый день. «Правда» держала корреспондентов по всему миру, газетной площади для всех не хватало, и пробиться на полосу было невероятно трудно. Писать из Египта каждый день не было никакой необходимости.

Понять, что Примаков не был сотрудником КГБ можно еще и потому, что некоторое время он был просто «невыездным», за границу его не выпускали. И лишь Николай Николаевич Иноземцев, заместитель главного редактора «Правды», добился, чтобы он стал «выездным», что в то время было очень важным. Ездить за границу Примаков стал с 1965 года. Его хотели отправить в долгосрочную командировку в Кению в роли советника вице-президента. Уже состоялось решение ЦК КПСС, без которого советский человек не мог поехать за границу. Но в конце концов поездка не состоялась – изменилась обстановка в Кении и Примаков не получил визы.

Зато вскоре он отправился корреспондентом «Правды» на Ближний Восток. Он побывал почти во всех странах Арабского Востока – в Египте, Сирии, Судане, Ливии, Ираке, Ливане, Иордании, Йемене, Кувейте. Уже потом, уйдя из «Правды» и работая в институте, он в первый раз поедет в Соединенные Штаты, побывает в Европе. Начнется другая жизнь...

Надо понимать, что не так уж сложно выявить кадрового сотрудника внешней разведки. Каждый из них должен был исчезнуть из поля зрения друзей и знакомых хотя бы на год, а чаще на два года – это время обучения в разведывательной школе. Через эту школу прошли все, кого брали на работу в Первое Главное управление КГБ СССР – внешнюю разведку.

В трудовую книжку начинающему разведчику вписывают какое-то благопристойное место работы, но в реальности человек буквально исчезает, потому что занятия в разведшколе идут с понедельника по субботу. Живут начинающие разведчики там же, на территории школы, домой их отпускают в субботу днем, а в воскресенье вечером или в крайнем случае в понедельник рано утром они должны быть в школе.

При таком обилии друзей многие бы обратили внимание на то, что Примаков куда-то исчез, да не на день-другой, а на целый год! Надо еще и понимать, что по своим анкетным и физическим данным студент института востоковедения Примаков вряд ли мог заинтересовать кадровиков министерства государственной безопасности (МГБ существовало до марта 1953 года, когда было создано единое министерство внутренних дел, а с марта 1954-го уже существовал Комитет государственной безопасности).

Могли Примакова, когда он поехал корреспондентом на Ближний Восток, привлечь к сотрудничеству с КГБ в качестве агента?

По инструкции, существовавшей в комитете госбезопасности, запрещалась вербовка сотрудников партийного аппарата. Что касается центрального органа партии – газеты

«Правда», то рекомендовалось воздерживаться от оформления сотрудничества с правдистами и использования корпунктов «Правды» в качестве крыши для разведывательной деятельности.

Виктор Григорьевич Афанасьев, который многие годы был главным редактором «Правды», писал в своих воспоминаниях:

«Росказни о том, что в «Правде» было много людей в синих погонах, не соответствуют действительности. За двадцать лет моей работы в газете был только один случай, когда корреспондента «Правды» выслали из страны пребывания за «недозволенную деятельность».

Другое дело, что практически каждый корреспондент, работавший за границей, поддерживал те или иные отношения с резидентурой советской внешней разведки – как минимум, делился информацией. Иногда отношения с резидентурой не складывались.

Виктор Афанасьев:

«Стоило Владимиру Большакову, который был корреспондентом «Правды» в Австралии, сказать пару нелестных слов по адресу посольских гебистов, как в августе 1976 года он был отозван в Москву. Ему инкриминировали связь с женщиной – агентом ЦРУ. Допускаю, что «связь с женщиной» в далекой Австралии и могла, как говорится, иметь место, но абсолютно убежден, что Володя Большаков как агент ЦРУ – чушь собачья... Ровно десять лет я потратил, чтобы реабилитировать Большакова. Брал его в заграничные поездки, добился для него разовых командировок, но в каждом случае представлял в ЦК личное письменное поручительство...»

Так был ли Примаков связан с разведкой, когда он работал на Ближнем Востоке?

Академик Яковлев, бывший член политбюро и бывший посол в Канаде, ответил мне так:

– Он был связан, как весь народ наш был связан. Когда я был послом в Канаде, это происходило так. Идешь на встречу с канадским министром, вернешься, обязательно резидент или оба (то есть еще и представитель военной разведки присоединяется) сразу начинают расспрашивать. Им хочется послать шифровку в Москву раньше, чем я свою телеграмму в МИД отправлю. И они, наверное, к моей информации свою присобачивают.

– Мы с Примаковым на эту тему не говорили, но могу себе представить, как было дело, – говорил Яковлев. – Примаков был корреспондентом «Правды». Корреспондентов везде пускают, вот его после какой-то интересной беседы наши чекисты и расспрашивали... Вовсе он не агент, и не в кадрах. Но не хотел ссориться с резидентом, или вообще были товарищеские отношения. Резиденты народ не глупый. Это же не контрразведка, а разведка...

Как правило, журналисты-международники старались дружить с КГБ. Это давало какую-то гарантию. Стать невыездным было легко, а вернуть это право – невероятно трудно.

Я работал во внешнеполитическом еженедельнике «Новое время», где в советские времена редакторы двух ведущих отделов были невыездные. Оба позволили себе в большой компании сказать что-то «политически незрелое», это разозлило чекистов и в зарубежные командировки их не пускали. У обоих были высокопоставленные знакомые, у одного друг стал помощником самого председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова, но никто не хотел рисковать собственной карьерой и просить за невыездного товарища.

А тесное общение с резидентурой имело свои плюсы. КГБ мог и помочь. Если были добрые контакты с комитетом, то резидент получал указание встретить прилетевшего из Москвы человека, помочь ему, дать машину с водителем, переводчика. Например, приезжающим в социалистическую ГДР глава представительства КГБ или его заместитель разрешал съездить в капиталистический Западный Берлин – сходить в кино, что-то купить в хорошем магазине.

Иногда нужным людям, которые вовсе не являлись агентами, даже давали перед поездкой за рубеж в качестве добавки к командировочным небольшую неподотчетную сумму в долларах – личный подарок от председателя КГБ.

Словом, как и очень многие корреспонденты, Примаков, вероятно, помогал нашим разведчикам. Но в кадрах КГБ (до назначения в 1991 году начальником внешней разведки) он не состоял и среди «добровольных помощников» госбезопасности тоже не числился.

Почему же Примакову упорно приписывают службу в КГБ? Возможно потому, что он выполнял в семидесятые годы некоторые деликатные миссии за границей. Это действительно были особые задания, но не разведки, а ЦК КПСС.

«Я выполнял ответственные поручения политбюро, – пишет Примаков. – Как правило, меры безопасности и связь поручалось обеспечивать комитету госбезопасности».

О своем участии в тайной дипломатии Евгений Максимович рассказал в книге «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX века – начало XXI века)».

В 1970 году он ездил в Бейрут для встречи с лидером Народного фронта освобождения Палестины Жоржем Хабашем, который прославился громкими терактами. Это он придумал захватывать самолеты и превращать пассажиров в заложников. Это ему мир обязан таким количеством трагедий. Примакову поручили передать Жоржу Хабашу мнение советского руководства: захват самолетов нецелесообразен, потому что «сплачивает население вокруг израильского правительства».

Такие же деликатные миссии Евгений Максимович исполнял в других странах. Он рассказал, как летом 1971 года его пригласил генеральный директор ТАСС Леонид Митрофанович Замятин и сказал:

– На заседании секретариата ЦК возник вопрос, почему нет информации от Примакова по Египту. Мне поручено направить тебя на месяц на Ближний Восток в качестве специального корреспондента ТАСС.

После смерти многолетнего главы Египта Гамаль Абдель Насера в стране происходили большие перемены. И Примаков увидел, что новый президент Анвар аль-Садат быстро расстанется с наследием своего предшественника и отходит от тесных отношений с Москвой. Советский посол в Каире не согласился с выводами Евгения Максимовича:

– Вы приехали на несколько дней и делаете сногсшибательные выводы, а я на неделе пять раз встречаюсь с Садатом и, поверьте мне, лучше вас знаю обстановку.

Посол отказался отправить написанные Примаковым шифровки в Москву:

– Я не хочу дезинформировать руководство.

Евгений Максимович улетел в Бейрут и оттуда отправил свои шифротелеграммы.

Примакову благоволил влиятельный референт Брежнева Евгений Матвеевич Самотейкин, в прошлом сотрудник министерства иностранных дел. Самотейкин в меру возможности поддерживал самостоятельно мыслящих людей, заказывал им записки на самые деликатные внешнеполитические темы, что позволяло ему предлагать своему шефу оригинальные идеи. В июле 1971 года он попросил Примакова набросать новые предложения в отношении советской политики на Ближнем Востоке. Примаков в осторожной форме рекомендовал «некоторые инициативные шаги в отношении Израиля», с которым Советский Союз разорвал дипломатические отношения после шестидневной войны.

Разумеется, арабские страны были рады разрыву. Тем более, что они стали получать советское оружие в удвоенном количестве. Казалось, что Советский Союз приобрел себе на Арабском Востоке друзей на вечные времена. Но вскоре выяснилось, что Советский Союз не в состоянии играть ключевую роль на Ближнем Востоке, потому что не имеет дипломатических отношений с Израилем.

Евгений Самотейкин передал записку Примакова Брежневу, который ее одобрил. Леонид Ильич сам считал, что разрыв отношений с Израилем был шагом эмоциональным и потому недальновидным. Но как их восстановить, если в Москве заявили, что это станет возможным только после полного ухода израильской армии с завоеванных во время войны территорий?

Сторонником налаживания секретного канала связи с еврейским государством был председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов. В аппарате КГБ не раз предпринимали попытки самостоятельно, в обход министерства иностранных дел, заниматься внешней политикой. Особые отношения КГБ установил с правительством ФРГ, когда канцлером был Вилли Брандт. Пытались наладить доверительный канал связи с государственным секретарем США Генри Киссинджером, но эту акцию сорвал министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко, который конкуренции не терпел и ревниво относился к любым попыткам вторгаться в его епархию. Что касается Израиля, то в данном случае Громыко не возражал против активности КГБ. Отсутствие дипломатических отношений исключало участие министерства иностранных дел.

Тайные контакты были поручены Примакову. Организационную сторону взяло на себя КГБ. Миссия была важной, утвержденной решением политбюро от 5 августа 1971 года. Евгения Максимовича принимали и Андропов, и Громыко.

Примаков был заместителем директора академического института, то есть не занимал государственной должности, считался представителем общественности, это исключало демарши со стороны арабских стран, если бы сведения о тайном канале с Израилем стали достоянием гласности.

С августа 1971-го по сентябрь 1977-го года Примаков тайно приезжал в Израиль или встречался с израильскими представителями в столице Австрии. Его собеседниками были руководители страны – премьер-министр Голда Меир и министр иностранных дел Абба Эбан, потом новая команда – премьер-министр Ицхак Рабин, министр иностранных дел Игаль Алон, министр обороны Шимон Перес.

Израильцы, конечно, прежде всего интересовало, кого представляет Примаков, каковы его полномочия. Он отвечал, что «направлен в Израиль с неофициальной и конфиденциальной миссией советским руководством», но не имеет полномочий обсуждать вопрос о восстановлении дипломатических отношений.

Идея состояла в том, чтобы убедить еврейское государство покинуть занятые в ходе шестидневной войны 1967 года территории – сектор Газа и Западный берег реки Иордан. Взамен предлагались международные гарантии безопасности Израиля, но Примаков быстро понял, что израильтяне считают такого рода гарантии пустой бумажкой, которая не спасет их в случае нападения арабских стран. Премьер-министр Голда Меир напомнила Примакову, как легко в 1967 году были выведены с Синайского полуострова войска ООН, разъединявшие Израиль и Египет, когда это потребовал президент Насер.

Андропов и Громыко предложили согласиться с идеей израильтян «расширить консульскую секцию посольства Нидерландов в Москве». Дело в том, что после разрыва дипломатических отношений интересы Израиля в Советском Союзе представляло голландское посольство. Имелось в виду, что в составе консульской секции посольства в Москве появятся израильские дипломаты и это упростит диалог. Но остальные члены политбюро отвергли предложение председателя КГБ и министра иностранных дел.

Слепая ненависть к еврейскому государству лишала Советский Союз возможности играть более важную роль на Ближнем Востоке. Понимая, что Москва не имеет возможности помочь ему договориться с Израилем, египетский президент Анвар аль-Садат обратился за содействием к Соединенным Штатам, которые и стали посредником в заключении мира между двумя странами.

Много лет Примаков был связным с иракскими курдами, и он даже участвовал в попытке нормализовать отношения между руководством курдов и правительством в Багдаде. Но надо правильно понимать его тогдашнюю роль. Его отправили к курдам для того, чтобы создать прямой канал общения, узнать, что происходит у курдов, чего они хотят и можно ли их убедить сотрудничать с правительством. Этот канал связи шел через ТАСС. Только сообщения Примакова в Москву не печатались в газетах, а с грифом секретности поступали в ЦК, МИД и КГБ.

Курды, которые живут на территории четырех стран – Турции, Ирана, Ирака и Сирии, многие годы были для Москвы борцами за правое дело. Курдские восстания приравнялись к национально-освободительному движению.

В 1945 году в Советском Союзе нашел убежище лидер иракских курдов Мустафа Барзани – после того, как была подавлена попытка курдов создать свое государство на территории Ирана – Мехабадскую республику. Барзани был военным министром этой непризнанной республики. Барзани и его бойцы перешли советскую границу и двенадцать лет жили в нашей стране. В 1959 году Барзани вернулся из Советского Союза на родину – новые иракские власти обещали предоставить курдам равноправие. Барзани был даже назначен вице-президентом страны. Но уже в 1961 году иракские войска попытались подавить национальное движение курдов, что привело курдов к решению начать партизанскую войну. Барзани обосновался на севере страны, откуда руководил борьбой против правительственных войск. Сменявшие друг друга иракские режимы высказывались за мирное решение курдской проблемы, но неизменно приходили к тому, что начинали курдов убивать.

В 1963 году власть в Ираке перешла к местному отделению всеарабской партии Баас («Возрождение»). Эта партия, сыгравшая важнейшую роль в истории Ближнего Востока, была основана в Сирии весной 1947 года. В Советском Союзе события в Багдаде называли «государственным переворотом, носившим ярко выраженный фашистский и проимпериалистический характер».

В Ираке арестовывали коммунистов, и ЦК КПСС заявил:

«Чудовищные злодеяния иракского режима потрясли прогрессивных людей во всем мире. Это свидетельствует о том, что иракские власти глумятся над элементарными принципами человечности и демократии, открыто бросают вызов иракскому народу, всей мировой прогрессивной общественности».

Когда правительственные войска атаковали курдов, Москва запротестовала и предложила всему миру осудить иракский режим. Курды составляли примерно треть иракской компартии. В конце того же года баасистов свергли, но в 1968 году партия Баас вновь пришла к власти. Президентом страны стал генерал Хасан аль-Бакр, один из самых кровожадных диктаторов в истории Ближнего Востока, затем его сверг Саддам Хусейн.

На улицах Багдада публично казнили «врагов народа». Многотысячные толпы проходили мимо виселиц с качавшимися на них трупами. Но этот режим перестал быть в глазах Москвы фашистским. Название партии Баас перевели на русский язык. Название в Москве понравилось: Партия арабского социалистического возрождения. Ирак стал получать советскую помощь и кредиты, затем оружие.

В 1966 году власть вступила в переговоры с курдами. Именно в этом году собственный корреспондент «Правды» Примаков получил указание отправиться на север Ирака.

Евгения Максимовича привели в землянку Барзани. Тот обнял советского журналиста со словами:

– Советский Союз – мой папа.

Барзани был очень откровенен с Примаковым. Его сообщения высоко оценили в Москве и попросили вновь побывать в Иракском Курдистане. Постепенно его поездки превратились в посредническую миссию. Примаков встречался с Саддамом Хусейном, который еще не был в Ираке человеком номер один, но отвечал за отношения с курдами.

«С 1966-го по 1970 год, – вспоминал Примаков, – я был единственным советским представителем, который регулярно встречался с Барзани. Летом жил в шалаше, зимой – в землянке».

Курдам обещали предоставить автономию, право избрания собственных властей, участие в правительстве. Договорились, что вице-президентом Ирака станет курд. 10 марта 1970 года

Мустафа Барзани подписал соглашение, рассчитывая на обещанную автономию. 11 марта президент Ирака Хасан аль-Бакр зачитал текст соглашения по радио и телевидению.

Но Барзани так и не дождался обещанного. В 1974 году лидеры курдов сочли, что их обманули, и вооруженная борьба возобновилась. На сей раз Москва не спешила поддерживать курдов, потому что заключила с Ираком договор о дружбе и сотрудничестве.

Попытка примирить иракское руководство с курдами не увенчалась успехом. Короткие периоды затишья сменялись новыми атаками на курдов. Президент Ирака Саддам Хусейн травил курдские деревни химическим оружием. Саддам, как и многие арабские лидеры, был непримирим и нереалистичен, поскольку влияние традиций и эмоций на него было сильнее доводов разума.

В 1983 году Юрий Владимирович Андропов, который стал генеральным секретарем ЦК КПСС, и министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко предприняли попытку помирить своих союзников – ненавидевших друг друга Ирак и Сирию.

В Багдаде и Дамаске по личному поручению Андропова побывал Евгений Максимович Примаков, тогда директор Института востоковедения Академии наук. Поручение оказалось практически невыполнимым.

Дело в том, что еще 28 июля 1979 года хозяин Ирака Саддам Хусейн объявил всей стране, что раскрыл заговор среди своего ближайшего окружения, причем заговорщики получали помощь от враждебной «иностранной державы». Выяснилось, что враждебная держава – это Сирия. Президент Сирии Хафез Асад протестовал и требовал представить доказательства. Он отправил в Багдад министра иностранных дел и начальника генерального штаба, чтобы доказать, что Сирия ничего не предпринимала против Ирака. Они вернулись, получив от иракских братьев кассету с записью показаний одного из арестованных. Других доказательств не было. Президент Сирии предложил передать спорное дело на рассмотрение Лиги арабских государств. Саддам Хусейн не захотел. Он не признавал чужих авторитетов.

Действительно ли сирийцы как-то пытались повлиять на иракские дела? Тут сложная и запутанная интрига.

Сторонники прежнего президента Ирака Ахмеда Хасана аль-Бахра желали объединения с Сирией. Аль-Бакр должен был стать формальным главой союза двух государств. Хафез Асад – его заместителем и реальным главой единого государства. Саддаму Хусейну предназначалось кресло номер три – почетное, но безвластное.

Ясно было, что престарелый и не очень здоровый аль-Бакр не станет заниматься практическими делами, следовательно, вся власть в едином государстве окажется в руках Асада. Саддама это не устраивало. Он с удовольствием наблюдал, как Сирию сотрясали религиозные волнения.

Шестьдесят процентов населения Сирии – сунниты. Хафез Асад был выходцем из небольшой общины алавитов, близких к шиитам. Если Саддам Хусейн доверял только своим родственникам и землякам из Тикрита, то Асад повсюду расставлял алавитов, многие из которых были связаны с ним родственными отношениями. Алавиты составляют всего процентов десять-двенадцать населения. Но именно алавиты занимали ключевые позиции в правящем аппарате, армии и спецслужбах. Две трети офицеров, все командиры дивизий были алавиты. Они же руководили политической работой в войсках и ведали закупками вооружений.

Радикально настроенные исламисты-сунниты не раз восставали против алавитского господства. В 1982 году в городе Хама они расстреляли представителей городского руководства и по сути захватили власть. Тогда в город вошли части специального назначения во главе с младшим братом президента Рифатом Асадом. Войска раздавили демонстрантов танками. Погибло, по разным источникам, около двадцати тысяч человек. Трупы утрамбовывались в землю бульдозерами.

Подозрительный Хафез Асад считал, что восстанию в Хаме помогали иракцы. Саддам действительно распорядился дать деньги и оружие организации «Братья-мусульмане»*, которая пыталась свергнуть Асада. Сирийские газеты писали, что обнаружено немалое количество иракского оружия и на границе с Ираком перехвачены транспорты с оружием. На допросах арестованные признавались, что получали указания из Багдада.

Асад публично сказал о Саддаме:

– Палачу иракского народа мало того, что он убил десятки тысяч собственных граждан. Он намерен и в Сирии заниматься любимым делом – убивать и взрывать. С тех пор, как он пришел к власти, он снабжает оружием сирийских преступников.

Сирия была главным партнером Советского Союза на Ближнем Востоке, но Саддама Хусейна в Москве тоже поддерживали. Решили помочь им помириться. В июле 1983 года директор Института востоковедения Примаков полетел сначала в Багдад, затем в Дамаск.

Саддам Хусейн и Хафез Асад не могли не откликнуться на предложение Андропова и прислали в Москву своих министров иностранных дел – Тарика Азиза и Хаддама. Переговоры при советском посредничестве проходили в одном из гостевых особняков на Ленинских горах. Помирить братские государства оказалось труднее, чем усадить за стол переговоров Египет и Израиль. Два министра вообще не хотели беседовать друг с другом, разговоры шли через посредника – в этой роли чаще всего выступал Евгений Примаков.

Мириться не желали именно сирийцы. Примаков потом рассказывал коллегам, как он не выдержал и прямо спросил сирийского министра:

– Вы согласны, что необходимо обеспечить взаимодействие Сирии и Ирака? Пожалуйста, ответьте «да» или «нет».

– Нет! – сказал сирийский министр.

– Почему? – удивился Примаков.

– Потому что в Ираке диктатура, фашистский режим.

Так этот диалог описан в книге Олега Алексеевича Гриневского, который в ту пору руководил отделом Ближнего Востока в министерстве иностранных дел.

Сам Евгений Максимович пишет, что ему все-таки удалось посадить за стол переговоров Тарика Азиза и Хаддама: «Вечером я зашел к ним и увидел, как они мирно играют в бильярд. Казалось, что это неплохое предзнаменование».

Министры запросили встречу с кем-то из советских руководителей. Побеседовать с ними мог бы министр Громыко. Но он отдыхал в Крыму и, судя по всему, не желал портить себе отпуск. Примаков считает, что с помощью Громыко можно было найти путь к соглашению... Тайные переговоры на Ленинских горах окончились полным провалом.

Так что все миссии Примакова на Ближнем Востоке были тяжелым испытанием. Спасало его то, что он не испытывал внутренней неприязни и брезгливости к арабским политикам, что сильно мешало и мешает другим европейским и американским дипломатам.

Работа Примакова с курдами породила много мифов, не только о его давнем сотрудничестве с КГБ. И все эти мифы ничего не стоят.

Осенью 1998 года разгорелся скандал вокруг лидера турецких курдов, главы рабочей партии Курдистана Абдуллы Оджалана, который вел настоящую войну против Турции с территории Сирии. Он вынужден был бежать в Россию.

Он просил политического убежища, и Государственная Дума проголосовала за то, чтобы Оджалан мог остаться. Но Примаков, в ту пору уже министр иностранных дел, этому воспротивился. Его личные отношения с курдскими лидерами не имели значения, когда речь шла о государственных интересах: нормальные отношения с Турцией важнее симпатий к курдам. Впрочем, симпатий уже тоже не осталось. Оджалану пришлось уехать в Италию. Вскоре он попал в руки турок и его приговорили к смертной казни.

Но бывший президент Азербайджана Абульфаз Эльчибей уверенно заявлял, что именно Примаков был одним из тех, кто помогал создать боевую инфраструктуру Рабочей партии Курдистана*¹. Нелепое предположение. В те годы, когда Примаков занимался курдами, он не имел никакой должности в государственном или партийном аппарате.

Считалось, что Примаков близок к верхам, что он днюет и ночует в ЦК, что он свой человек в КГБ. Но это далеко от истины. Взаимоотношения с властью не были слишком приятными. В партийном архиве сохранились и такие материалы:

«ЦК КПСС

К директору Института востоковедения АН СССР академику Е.М. Примакову обратился московский корреспондент газеты «Крисчен сайенс монитор» с просьбой взять у него интервью.

Просим ваших указаний».

К обращению приколота записка международного отдела ЦК:

«Руководству Института востоковедения Академии наук СССР разъяснено о нецелесообразности данного интервью».

Академик Примаков, директор крупного института, занимавшегося международными делами, не имел права встретиться с корреспондентом влиятельной американской газеты и дать ему интервью без санкции партийного руководства.

Когда Александр Николаевич Яковлев был назначен заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС, возник вопрос о новом директоре Института мировой экономики и международных отношений.

– Я предложил Примакова, – вспоминал Яковлев. – Но не все были согласны с его кандидатурой. Нет, не все. С некоторой настороженностью отнесся комитет госбезопасности. В то время все эти назначения согласовывались. Они в КГБ не то, что были откровенно против. Они, скажем так, считали, что другие кандидатуры лучше...

Яковлев умел настоять на своем. Весной 1986 года Примаков был назначен директором института. Исторически и биографически Примаков до перестройки принадлежал к либеральному крылу истеблишмента. К этой группе относились и академики Николай Николаевич Иноземцев, глава Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, и Георгий Аркадьевич Арбатов, который руководил Институтом США и Канады. Они были вхожи в коридоры власти, но придерживались иных взглядов, чем партийное руководство. Для Евгения Максимовича то, что начал Горбачев, было очень близко.

Томас Анатольевич Колесниченко работал с Примаковым в «Правде» и дружил с ним всю жизнь:

– Я не могу сказать, что мы с Примаковым до перестройки были внутренние диссиденты на сто процентов, что мы хотели свергнуть это правительство... Этого не было, может быть, еще и потому, что мы много бывали там, на Западе, и видели, что так просто перескочить отсюда туда и занять все сразу – не получится. Потому что все это не так просто. Мы честно работали, не перелаывая себя. То, что он писал тогда... Думаю, он может и сейчас под этим подписаться. Если я писал о безработице в Америке – так она была, если писал о жутком одиночестве людей, о том, что отцы и дети расходятся, – все я там видел. Другое дело, что можно было много положительного писать об Америке, но шла война. Пусть это была холодная война, но война, а на войне, как на войне. Они тоже не писали о чем-то хорошем у нас. Они долбали нас. И мы находили возможность прихватить американское правительство за Вьетнам, за все. Конечно, мы совершенно свободно говорили в дружеском кругу такие вещи, за которые

¹ * Организации, запрещенные в РФ.

можно было сесть, вспоминал Колесниченко. Ну, если не сесть в тюрьму, то потерять работу точно можно было. Мы же видели этот маразм цековский, бездарность верхов, этот партийный середняк. У того же Примакова не было никаких шансов подняться, потому что он не шел по комсомольской линии. А для карьеры надо было сначала в райкоме комсомола посидеть, затем стать инструктором райкома партии...

Институт, возглавляемый Примаковым, стал работать на политическую линию нового генерального секретаря. Причем эта работа делалась с удовольствием – Горбачев нравился научной интеллигенции. 26 февраля 1987 года на заседании политбюро Горбачев говорил о необходимости менять внешнюю политику, активно действовать по всем направлениям:

– От наших институтов – от Примакова, Арбатова – потребовать, чтобы они нам давали подробный объективный научный анализ раз в квартал, через каждые сто дней.

Горбачев не раз сетовал на отсутствие точных прогнозов. На заседании политбюро 6 августа 1987 года говорил:

– В Соединенных Штатах сто миллионов долларов тратят на экономическое прогнозирование. А у нас? Что у нас получается с анализом экономики? В Минфине – одно, а КГБ – другое, и все это разовое, нет системы. Вот встал перед нами вопрос о прогнозе экономики Соединенных Штатов. И выколачиваем из Арбатова и Примакова. Скорей, скорей...

Я спрашивал академика Яковлева:

– Почему вы привлекли Примакова к работе своего мозгового центра?

– Потому что он умный человек. Вот и все. Когда человеку доверяешь, знаешь: то, что тебе дадут, будет серьезным исследованием. Его анализы если почитать, они очень сухи. Факты, жесткие факты. Если вывод, то тоже очень сухой. Я бы не смог писать такие доклады, расцветил бы.

Он человек, как говорят в деревнях, самостоятельный, обстоятельный, считал Яковлев:

– Я не отношу его к деятелям митинговой демократии. К числу тех демократов, которые свое «я» считают первостепенным. Он никогда себя не выпихивал на первый план: смотрите, мол, я какой. Он человек в этом смысле сдержанный. Но твердых внутренних убеждений. Его сбить с какой-то точки зрения – возможно, но при больших усилиях и при серьезных аргументах. А так он мало поддающийся каким-то сиюминутным вещам, какой-то моде...

Примакова стали включать в роли эксперта в делегации, которые сопровождали Горбачева во время поездок за границу. Там были разные люди, писателей и деятелей культуры брали для представительства. Примаков не рассматривал такие поездки как форму отдыха и туризма. На узких совещаниях у Горбачева предлагал свежие и неожиданные идеи, но предпочитал держаться в тени. Примаков сознательно оставался незаметным для широкой публики и не жаждал громкой славы. Ему нравилось заниматься закулисной политикой.

– Во-первых, он профессионал, – говорил Александр Яковлев. – Во-вторых, он не лезет в друзья, не старается себя показать, подсуетиться. Другим кажется, если суетиться, на них быстрее внимание обратят. Глупости. Даже Брежнев при всех своих ограниченных интеллектуальных ресурсах и то морщился. Использовал таких людей, но морщился... Так вот, я не видел, чтобы Примаков суетился возле какого-нибудь начальника. Посмотрите телевизионную хронику, газеты, не найдете. Я не припоминаю, чтобы он сказал какое-то слово, которое можно было расценить как подхалимаж в отношении Горбачева.

Михаил Сергеевич заметил и оценил Примакова, но приблизил его отнюдь не сразу.

Александр Яковлев:

– Поначалу Горбачев относился к нему несколько настороженно. До обидности настороженно. Внешне все нормально, поручения институту давал, но что-то мешало... Михаила Сергеевича вообще трудно понять. Это вещь в себе. Добраться до души Горбачева невозможно – это человек-луковица. Может быть, все дело в том, что Примаков был близок ко мне, а

Михаил Сергеевич к этим вещам настороженно относился. И на этом органы безопасности очень хорошо играли.

– Я однажды в выходной день поехал в Калужскую область, грибы собирал, – рассказывал Яковлев. – Вдруг звонок в машину. Горбачев:

– А почему с тобой Бакатин и Моисеев? Зачем собрались?

Генерал Моисеев был начальником генерального штаба, Бакатин – министром внутренних дел... А на самом деле никого рядом не было. Яковлев один за грибами ходил. Михаилу Сергеевичу заговоры вот эти снились. Не любил, чтобы в его окружении дружили... Горбачев долго сомневался насчет Примакова, присматривался, прикидывал, можно ли доверять этому человеку, продвигать его?

– В 1988 году был такой сюжет, – вспоминает Яковлев. – Подбирали заведующего международным отделом ЦК. Михаил Сергеевич попросил меня предложить две кандидатуры. Я предложил Примакова номером один и Фалина номером два.

Валентин Михайлович Фалин – один из самых известных советских дипломатов. Он был послом в Западной Германии, потом работал в ЦК, очень нравился Брежневу. Но когда родственник Фалина совершил нечто недозволенное, его изгнали из ЦК, отправили обозревателем в газету «Известия».

– Я знаю точно, – продолжает Яковлев, – что выбрали Фалина, потому что комитет госбезопасности отдал ему предпочтение. Михаил Сергеевич сказал: вноси представление в политбюро на Фалина. При этом к Фалину я отношусь нормально, он ученый человек, знаток.

– А потом все-таки Горбачев расположился к Примакову?

– Потом все пошло нормально.

Он сменил генерала Шебаршина

В разведке Примаков сменил кадрового разведчика с очень хорошей репутацией.

Последние два года существования Советского Союза (с января 1989 года) Первое Главное управление КГБ, которое занималось внешней разведкой, возглавлял генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин.

Шебаршин – один из самых известных разведчиков. Он окончил школу в 1952 году. Как серебряного медалиста его взяли без экзаменов на индийское отделение Института востоковедения, где на арабском отделении уже заканчивал курс Примаков. В 1954 году институт упразднили, студентов перевели в Институт международных отношений. Учился Шебаршин хорошо и на шестом курсе поехал в Пакистан на преддипломную практику. После окончания МГИМО его распределили в министерство иностранных дел. И сразу отправили в Пакистан.

Начинал с должности помощника и переводчика посла, которым был известный дипломат и будущий заместитель министра иностранных дел Михаил Степанович Капица. Под его крылом Шебаршин быстро получил повышение – атташе, третий секретарь. Осенью 1962 года он вернулся в Москву, стал работать в центральном аппарате МИД – референтом в Отделе Юго-Восточной Азии. И почти сразу подающего надежды дипломата пригласили в КГБ. Он принял это предложение с удовольствием.

«В комитете госбезопасности, – писал Шебаршин, – к Первому Главному управлению издавна сложилось особое, уважительное, но с оттенком холодности и зависти отношение. Сотрудники службы во многом были лучше подготовлены, чем остальной личный состав комитета. Они работали за рубежом и, следовательно, были лучше обеспечены материально. Им не приходилось заниматься «грязной работой», то есть бороться с внутренними подрывными элементами, круг которых никогда радикально не сужался.

Попасть на службу в ПГУ было предметом затаенных или открытых мечтаний большинства молодых сотрудников госбезопасности, но лишь немногие удостоивались этой чести. Разведка была организацией, закрытой не только для общества, но и в значительной степени для КГБ».

Леонид Шебаршин прошел курс подготовки в 101-й разведывательной школе, получил квартиру и в декабре 1964 года вновь отправился в Пакистан, теперь уже в роли помощника резидента внешней разведки. Третья командировка в Пакистан была бы приятнее, если бы не роковая слабость нового начальника.

«Резидент питал неодолимую тягу к спиртному, – вспоминал Шебаршин, – пил в любое время суток, быстро хмелел и во хмелю нес околесицу, густо пересыпанную матом... Дело кончилось тем, что резидент однажды свалился на приеме. Долго терпевший посол не выдержал и информировал Москву о хроническом недуге резидента».

Резидента отозвали.

После возвращения из командировки, летом 1968 года, Шебаршин прошел годичные курсы усовершенствования и подготовки руководящего состава Первого Главного управления КГБ – на факультете усовершенствования Краснознаменного института, что было необходимо для служебного роста. Программа повторяла учебный курс разведывательной школы, но с учетом, что в аудитории сидели профессионалы с немалым опытом. Оперативные офицеры уже состоялись как разведчики и чувствовали себя уверенно. Это была не столько учеба, сколько передышка.

Два года Шебаршин провел в центральном аппарате, и его отправили заместителем резидента в Индию – главный форпост советской разведки на Востоке. Шебаршин руководил линией политической разведки. В Дели была огромная резидентура, на которую не жалели денег, потому что в Индии можно делать то, что непозволительно в любой другой стране. Рези-

дентом был Яков Прокофьевич Медяник, сыгравший большую роль в судьбе двух будущих начальников разведки – Шебаршина и Трубникова.

Леонид Шебаршин проработал в Индии шесть лет. Но после возвращения домой желанного повышения не получил. В апреле 1977 года Шебаршин приступил к работе в Ясенево заместителем начальника отдела, то есть вернулся на ту же должность, с которой уезжал. Это было не очень приятно. Хотелось движения вперед. И он с удовольствием принял предложение поехать резидентом в Иран. Резидент – самостоятельная работа, открывающая перед энергичным и амбициозным человеком хорошую перспективу. Назначение состоялось в мае 1978 года.

Шебаршин вспоминал, как перед отъездом в Тегеран его пригласил к себе секретарь парткома КГБ Гений Евгеньевич Агеев. До перехода в госбезопасность он был вторым секретарем иркутского горкома партии, считал, что умеет разговаривать с народом. Среди прочего строго поинтересовался:

– А в театр вы ходите?

Секретарь парткома хотел убедиться в том, что новый резидент обладает широким культурным кругозором. На этот ритуальный вопрос обыкновенно отвечали утвердительно даже те, кто поражал своих коллег необразованностью и полным отсутствием интереса к литературе и искусству. К Шебаршину, литературно одаренному человеку, это никак не относилось. Леонид Владимирович честно ответил:

– Нет, не хожу!

Секретарь парткома понимающе кивнул:

– Времени не остается.

Шебаршин игры не принял:

– Время есть. Я не люблю театр.

Гений Агеев, который со временем стал первым заместителем председателя КГБ, возмутился и отчитал Шебаршина за отсутствие интереса к культурной жизни. Более того, Агеев не успокоился, позвонил тогдашнему начальнику разведки Крючкову и просил сделать внушение тегеранскому резиденту. Что происходит в охваченном революцией Иране, куда отправлялся Шебаршин, секретарь парткома не подозревал, каким испытанием окажется эта командировка – представить себе не мог, поэтому ни деловым, ни человеческим советом помочь был не в состоянии. Но партийную бдительность проявил.

Благоразумный Крючков попросил нового резидента быть осторожнее во взаимоотношениях с «большим парткомом» КГБ.

Председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов по-своему напутствовал Шебаршина:

– Смотри, брат, персы такой народ, что мигом могут посадить тебя в лужу. И охнуть не успеешь!

Шебаршин руководил советской разведкой в Иране в самый сложный период исламской революции. Но в Тегеране резидентура была небольшой и неэффективной. Шебаршин сразу отметил и слабость аналитической работы, и отсутствие контактов среди тех, кто способен дать важную информацию о происходящем в стране. Но тут уже почти все зависело от него самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.